

дино, Межадор, Объячево, Шошка, Черныш, Кибра, Иб, Зеленец, Слобода, Кодзьвиль, Вильгорт, Летка, Пажга, Нювчим, Кажим, с охватом 298 чел., в среднем на кружок 16 человек, а в 9 волостях кружки вовсе не существуют.

Кружки всю свою работу сосредотачивают вокруг крестьян—антирелигиозного учебника и антирелигиозной выставки. Беда антирелигиозных кружков в том, что они охватывают слишком узкий круг людей, они массы не охватывают. Крестьянство в кружки не вовлечено, вовлечены единицы. Лучше дело поставлено в Объячево, где кружок работает на правах семинария—кружковцы прикреплены к определенным деревням и ведут систематическую пропаганду по темам пройденным в кружке. Если бы дело поставлено было везде так, то можно было бы работу считать удовлетворительной, но в большинстве волостей кружки ограничиваются проведением сухих бесед и все.

Дело борьбы с религией у нас поставлено компанейски в Рождество и Пасху. В эти два дня работа идет: доклады, спектакли, танцы. Но мы упустили, что религия начинает весьма резко выставять свое классовое лицо, нужен решительный перелом в работе, изменение нашей работы в корне.

Необходимо:

1) Против каждого поповского мероприятия выставять контр-мероприятие;

2) Живая каждодневная работа, центр—антирелигиозный кружок, как семинарии антирелигиозных пропагандистов, каждую тему, пройденную на кружке переносить в массы;

3) Поставить работу с крестьянами не принимающими попов во время крестных ходов, поставить работу так, чтобы эти крестьяне явились основной опорой антирелигиозных кружков;

4) Создать во всех деревнях группы (ячейки) безбожников;

5) Поставить строгий контроль над работой церковных советов;

6) Особо поставить работу среди батраков, работающих у сектантов.

Старцев, Г.

К материалам правописания.

Скоро будет 10 лет, как Коми народ вышел из бесписьменного состояния. Однако, наше письмо далеко еще не выработало твердых норм, которыми можно было-бы руководствоваться в школах, издательствах, редакциях и других разных учреждениях.

Об алфавите как-будто теперь стали говорить меньше. Он уже, несмотря на его недостатки, успел привиться и укрепиться. Более сложными оказались вопросы правописания. В этом отношении становится понятным выступление В. И. Лыткина со статьей „Об употреблении дефисов в коми-письме“ („Коми му“, 1929, № 2, стр. 34—36). Бывший ученик В. А. Молодцова и апологет его принципов и правил заговорил о расколе в употреблении тире. Он говорит о непригодности молодцовских принципов правописания и, игнорируя их, выставляет свои принципы. Лыткин выставляет следующие доводы против дефисов: 1) Молодцов смешал два принципа письма—научный и практический, 2) научная транскрипция совершенно не

годна для практического письма¹⁾, 3) При научной транскрипции все время приходится отрывать руку. 4) Трудно усваивать молодцовскую систему дефисов, 5) Трудно это тире (в виде маленьких цифр) для наборного отделения, 6) Вотяки почти совсем не употребляют дефисов и 7) Венгерцы „пишут тысячами лет и никогда на ум им не приходили эти дефисы“, хотя „строй речи такой же, как у коми и вотяков“. Верно-ли то, что говорит доктор Лыткин? Я хочу сказать, что нет, не совсем верно.

1) Смешным уже теперь кажется тот, кто серьезно говорит, что есть „чистая“ наука и „практическая“. Смешно забывать или устранять научный принцип при практическом разрешении того или иного вопроса. Практический алфавит должен выдерживать или иметь научную апробацию. Применение со стороны Молодцова научного принципа в письме бесспорно следует считать положительным фактом. Весь вопрос в том, достаточно ли научным является подход у В. А. Молодцова.

2) Нельзя смешивать транскрипцию и обычное письмо. Транскрипция применяется, когда речь идет о точной фонетической записи положения звуков не столько отдельного диалекта, сколько индивидуального произношения и положения звуков. Практическое письмо выражает общую среднюю кривую фонем, являющихся как-бы стабильными для данного говора или языка. Научная транскрипция таким образом помогает разрешению вопроса о практическом письме.

3. 4. 5) В. И. Лыткин также путает транскрипцию звуков с дефисами. Когда говорят о транскрибировании, то имеют в виду точную передачу звуков слова при данном ему положении. Дефисы же облегчают понимание комплекса слов в предложении, или слов, составляющих предложение. Если же говорить принципиально о том, что при письме все время приходится отрывать руку, то это старая мысль, важная для стенографов, но не для практического письма, поскольку таких границ в нем никому на деле не удается провести. Молодцовская система дефисов наиболее легко усваивается, потому что под нее положен односторонний принцип для комpositивных предложений в целом. Что касается наборного отделения, то на него сделан напрасный кивок, т. к. в наборной не должны сочинять, а набирать по готовой рукописи. Из-за дефисов обычно бывает меньше всего затруднений.

6. 7) Станный совет — учиться у Удмуртов, алфавит у которых менее совершенен, чем у Коми. О дефисах нет у них понятия потому, что ни один вотский исследователь еще не додумался до этого. И исследователей-то у них нет пока.

Что касается Венгров, то нужно сказать, что со стороны доктора Лыткина проявлена любезность к ним, или скандальное непонимание венгерского практического письма, — самого неприглядного, отсталого, примитивного среди западно-европейских алфавитов. Венгерская азбука составлялась под ударом шовинизма; им во что-бы это ни стало хотелось отмежеваться от других народов Западной Европы в культурно-национальном отношении.

Латинский алфавит переделан на свой лад и получилась мало интересная эклектика, вроде того, что лат. s превратилась у них в ш; z — 3; zs — ж (франц. j); sz — с; cz — ц; cs — ч; у — мягкий знак и т. п. Говорить о том, что Венгры не пишут дефисов тогда как у них строй речи такой же, как у Коми и Удмуртов — нелепость. Ведь, В. И. Лыткин больше меня и других аспирантов слышал венгерскую речь (и изучал), но не „заметил“

¹⁾ Подчеркнуто мною Г. С.

такого „пустячка“, как существование члена, стоящего перед существительным, члена аналогичного с французским „la“, „l“, или с немецким „der“, „das“, „die“. В венгерском языке (в вогульском и. остояком сохранились отчасти), значатся эти члены: „a“ — определенный член, стоящий перед словом начинающимся с согласного звука и „az“ — определенный, стоящий перед словом начинающимся с гласного; egy (= один) — неопределенный член, который большей частью употребляется с нарицательными именами. Эти члены и дают возможность венграм не прибегать к дефисам. Но и это не совсем верно. Венгры пользуются дефисами. Например: kell-e egyenesen menni? — нужно-ли идти прямо?

Lehet-e átmenni erős eső után?—можно-ли перейти после сильного дождя?²). Венгерский строй языка также далеко не одинаков со строем Коми языка. Тогда нечего было бы говорить об особой угорской группе языков. В венгерском языке всего три прямых падежа³). В падежах с послелогоми в венгерском языке суффиксы личных окончаний всегда выступают перед послелогоми,—форма, слабо развитая в зырянском языке. Слова, будучи послелогоми, отказываются от числовых суффиксов, передавая их основе слова⁴). И т. д. и т. д. Что же после этого предлагает В. И.? Он предлагает „с одной стороны“ и „с другой стороны“, „можно упразднить дефисы“, „нельзя упразднить“. Или еще: „употребление тире в том виде, в каком мы видим в изданиях нашей Коми периодической прессы, нужно считать законным“. Считать законным то, что он поносил. Какой абсурд! В Коми изданиях, выпущенных после 1 октября 1928 года постановка дефисов доведена до полной безпринципности. Достаточно просмотреть бегло №№ „Jugyd tuŋ“, чтобы убедиться в этой безпринципности и сегодня. Кто же поспел на „анархическое введение изменений в орфографию“? Поспел опять-таки сам же доктор Лыткин. Следовательно, кого он в сущности обвиняет?

Прав Лыткин в том, что Молодцов возвел в принцип шарадные случаи языка. Но что лучше, когда из двух формалистов — идеалистов, (В. А. следует принципам идеалиста в языкознании проф. Пешковского, от которого даже чурается такой формалист, как проф. Л. Щерба; В. И. Лыткин при-
мыкает к школе не меньшего формалиста проф. Селищева), один возводит слово до софистики, (см. Молодцов — К граммат. классификации слов зыр.
языка. 1928 стр. 112. — Ленинские *vijõsvordõssõ*⁵⁾ (завещание) *pyfffi* пук-
тёны, где *vijõm* превращен в *vijõs* т. е. пожелание в хомут. Прибавте ж
хомуту слово *vordac* и получится не „завещание“, но „хомут — заклина-
ние“, а другой глубокомыслебно предлагает усвоить в письме беспринцип-
ность и считать ее узаконенной? Ни то, ни другое. Вкратце в виде мате-
риала для коллективного обсуждения я хотел-бы оттенить следующие мо-
менты письма слов с дефисами.

1) Когда предложение состоит из нескольких определяющих и определяемого (что составляет комплекс слов или композицию), дефис (тире)

²⁾ См. Краткий учебник венгерского языка. В. 1910. Стр. 96.

2) См. los Szinnyi — Ungarische sprachlehre. стр. 26.

⁴⁾ Ero же — Unq. sprachlehre стр. 59 — 62 и склонения, стр. 32.

б) Это слово искусственное. Его не нужно было создавать против принципов языка, выработавшего два слова с собственными не поддающимися к изменению нормами, это *eiðm* и *vorðm*. Возможна лишь такая форма *eiðmvorðm*, *eiðmvorðmco*.

следует ставить между смысловыми определяющим и определяемым. Примеры 1) коркё ме ылыс керка ју вож-дорын уэлывлі. (сокр. предложение: коркё ме вож-дорын уэлывлі). 2) лёмпу ју-вомдор оттёмгёма (векна-мёма).

2) При сочетании двух собственных имен тире сохранить. Примеры: Сандрё-Васё, Піль-Опоњ, Габ-Вас, Сандыр-Паш.

3. При сочетании собственного имени с должностным названием или общепринятым обращением. Примеры: Аманулла-хан, Чічерін-јорт, Мін-јорт.

4) При двух звукоподражательных глаголах. Пример: руза - разакылё, јірка - камакылё.

5) При двух звукоподражательных словах, когда они являются подлежащими: — гірја-гарја воіс. Шу-шуу кывіс.

6) При двух (трех) звукоподражательных словах, стоящих в предложении в виде дополнений: — ббжнас швіч - швуч керіс. Вомнас кіщ-кіщ - кіщ верёктіс.

7) При сочетании звукоподраж. междометия с глаголом: — паг-поті; ваб буз-четчытіс да і кутіс.

8) При сочетании двух наречий: — Наја шыра-каңамоз вежыған олёны. Кырјылын ошка-кёінаён ворсёны. дорс зуріён-заріён мытчытіс.

9) При наращении частиц в утвердительных и вопросительных предложениях. Примеры: кельчыг-пё-тајнё полан? Кёнкё-нё те вёлін-ін? Вёлі-жё, вёлі. Кытјасёд-інё-тај те, буракёс, волёмыд. Кыткёјасёд-тај ветлёлі-а.

10) Частицы „не“ и „ли“ (русс.) выступающие в спряжении, при вопросительной форме. Примеры:

Наст. время пола-ог?

Прош. время повлі-ігё?

полан-он

повлін-ін

полё-оз (ознё)

повліс-із

полам-огё (огнё)

повлім-ігё?

поланныд-онё

повлінныд-інё

полёны-озё (озёнё)

повлісны-ізё

11) Нын, коркё, ескё, дашкё (гашкё), жё... при сочетании между собою. Примеры: кёркё-ескё, коркё-дашкё, ескё-дашкё, ескё-жё, ескён-жё, дашкё-нын, кор-нын, коркё-некоркё, ескё-нын.

Во всех приведенных случаях желательно сохранение дефисов.

12) Живой язык очень богат нюансами, которых еще нельзя учесть, но при случае всегда их можно оттенить, руководствуясь сказанным выше или смысловым значением. Примеры: Волан-ё? коркё-ед; дашкё-ед; ылё-жё-а; ылё-жё-кё-тај-а?!; некор-кё-нын оз ло-а. Кёсјыгіс-пё-тај мыкё-а и т. д.

В заключение хочу сказать, что давно эту работу должно было взять на себя Методбюро при Обоно и провести ее в порядке „социального заказа“ или конкурса. Плодотворный результат дало бы коллективное рецензирование таких конкурсных работ на съездах или курсах учителей.

Пора подумать также о сносной грамматике и главным образом о словаре, где следовало-бы собрать самый богатый материал с целыми фразами, при чем с правильным начертанием знаков препинания.